

## ВЕЧЕ В ДРЕВНЕМ ПСКОВЕ

*Б. Б. КАФЕНГАУЗ*

В настоящей статье ставится задача собрать и изучить известия о вечевых народных собраниях в Псковской феодальной республике.

Автор наиболее фундаментальной в буржуазной историографии работы по истории веча В. И. Сергеевич<sup>1</sup> считал, что вече существовало с незапамятных времен, возникло «в начале истории», когда еще «весь народ» входил в войско, а народные массы воплощали в себе силу и власть. Вечевые собрания до татарского нашествия существовали во всех древнерусских землях, постепенно они отмирали и остались лишь в Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске. Идеализируя вече, В. И. Сергеевич писал, что оно выражало «народную волю», боярство же не имело на нем никаких преимуществ. В вечевых собраниях имели право участвовать все свободные люди города и села, горожане и смерды. Лишены этого права были закупы и, разумеется, холопы. Участвовали в вечевых собраниях главы семей. Компетенция веча, по мнению Сергеевича, была весьма широка, она включала законодательство, судебную власть и вопросы управления, избрание князя и договор с ним, выборы посадников и тысяцкого. Вече собиралось не только в главных городах, но и в пригородах, и в «концах», т. е. в кварталах главного города. Он отметил и борьбу партий на вече, но не видел в ней проявлений классовой борьбы. Сергеевич считал, что партии имели своей целью обеспечить власть тому или другому князю и его «приятелям». Голосования не было, для решения требовалось единогласие или явное большинство. В. И. Сергеевич предполагал, что в источниках речь идет о вече не только там, где оно прямо названо, но и при указаниях на решения и действия вообще «клян», «полочан», «псковичей», «всех людей» и т. п. Выводы Сергеевича

<sup>1</sup> В. И. Сергеевич. Вече и князь, СПб., 1867 (переиздано в его книге «Русские юридические древности», т. II, СПб., 1908. Далее цитирую по этому изданию).

в значительной степени перешли и в другие работы. Так, Н. Костомаров повторил его характеристику веча и назвал свою двухтомную работу о Новгороде и Пскове «Севернорусские народоправства»<sup>2</sup>.

В лучшей работе по истории Пскова в буржуазной исторической литературе, принадлежащей А. В. Никитскому, компетенция псковского веча указана без существенных отличий от характеристики А. В. Сергеевича. Никитский считал, что Псковская судная грамота запретила суд на вече, но на деле вече в Пскове сохраняло за собою и судебную власть. Он признавал, что в Пскове «владычество бояр было несомненным». В этом отношении работа Никитского особенно интересна. Главное проявление господства бояр он видел в том, что представителями «концов» выступали только бояре и признавал органом боярства не столько вече, сколько правительственный совет. Никитский писал, что вече в Пскове, по сравнению с Новгородом, отличалось «гораздо большим спокойствием и почти полным отсутствием борьбы городских партий». Однако он не видел в этом существенной особенности псковской вечевой жизни и объяснял тем, что короткий период независимости Пскова не позволил сложиться «сильной демократической партии»<sup>3</sup>.

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» говорит, что псковское вече, князь и посадники составляли вместе нераздельную власть, к ним обращались по делам внутренним и внешним, которые решались «по общему совету». Он отметил, что с 60-х годов XV в. имеется больше известий о вечевых собраниях, чем прежде, что он объяснял участвовавшими столкновениями веча с князьями. С. М. Соловьев излагает политику московского великого князя в отношении Новгорода и Пскова, указывает, что в Пскове происходило разделение «на две стороны», на «лучших и меньших людей». Вместе с тем Соловьев считает, что присоединению Пскова к Москве способствовали «постоянные столкновения власти народной с властью наместника великокняжеского»<sup>4</sup>.

В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» остановился на особенностях Псковского веча по сравнению с новгородским. Внешние опасности и малые размеры Псковской области, по его мнению, привели к усилению власти веча, оно законодательствовало и частью наблюдало за ходом управления и суда, сменяло выборных сановников и, в особых случаях, когда обнаруживались опасные замыслы должностных лиц, превращалось «в верховное судилище». В таких случаях оно получало «не всенародный, а простонародный состав». Он считал, что политический строй Пскова являлся «смягченной умеренной аристократией», где боярам, боярскому совету приходилось «происками привлекать на свою сторону часть простонародья». По мнению Ключевского, в Пскове не заметно ни бурных сцен и побоищ на вечевой площади, ни социального антагонизма и партийной борьбы. Он сравнивал новгородскую политическую жизнь с «толкучим рынком», а Псков с «тихим переулком». Ключевский объяснял эти особенности тем, что псковские бояре не были крупными землевладельцами и что в Пскове большую силу имело купечество, «торговый капитал»; он даже считал, что в Пскове отсутствовало холопство, с чем, конечно, нельзя согласиться<sup>5</sup>. Никак нельзя согласиться и с тем, будто вече в Пскове не знало бурных форм классовой борьбы. В своей работе о боярской думе в древней Руси Ключевский отмечает, что в Новгороде и в Пскове боярский совет «был часто руководителем веча, направлял его решения». Даже получив власть в результате псковского восстания 80-х годов XV в. «черные люди» отправляли послов в Москву из числа посадников<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> Н. Костомаров. Севернорусские народоправства, СПб., 1886, стр. 32.

<sup>3</sup> А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, СПб., 1873, стр. 141.

<sup>4</sup> С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Обществ. пользы», кн. I, стр. 1385, 1522—1524, 1598 и след.

<sup>5</sup> В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, Пг., 1918, стр. 117.

<sup>6</sup> В. О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси, изд. 4, М., 1909, стр. 205.

М. Дьяконов сделал шаг назад по сравнению с В. О. Ключевским, который пытался выделить роль «черных людей» и боярства. М. Дьяконов повторил то, что писал В. Сергеевич, так же квалифицировал круг дел, разбиравшихся на вече, так же утверждал, что в вечевых собраниях имели право участвовать крестьяне. Даже отмечая борьбу партий в Новгороде на вече, когда партии подкупали «худых мужиков-вечников», он объясняет ее «единственно неоформленностью древних народных собраний», требованием единогласного решения<sup>7</sup>.

Советские историки при изучении истории государственного строя исходят из указаний классиков марксизма-ленинизма о классовой природе государства. В. И. Ленин в лекции «О государстве» говорит о формах государства в средневековье: «И здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники»<sup>8</sup>. Остановимся лишь на некоторых трудах советских историков. М. Н. Покровский несколько преувеличивал роль веча в древней Руси, вместе с тем он отметил, что в Новгороде органом политического господства боярства служил правительственный совет. На вече и в народных восстаниях проявился классовый антагонизм боярства, купечества и народной массы. В своем «Сжатом очерке» русской истории он писал, что в начале XII в. с княжения Владимира Мономаха, «сходка киевских горожан, вече, управляла Киевом, ставила и низвергала князей». Но горожане не опирались на сельское население, что делало вечевой порядок недолговечным, «на вече смерды не имели голоса»<sup>9</sup>. М. Н. Покровский считал, что в Новгородской земле смерды закрепощались раньше, чем в других местах, и они не были заинтересованы в сохранении вечевого строя<sup>10</sup>.

С. В. Юшков полемизировал с Сергеевичем, упрекая его в том, что он принимал за вече сходки вооруженных граждан на конях в Киеве. По мнению С. Юшкова, вечевые собрания происходили лишь в чрезвычайных случаях и имели в XI—XIII вв. «громоздкое политическое значение», но господствовали на них бояре, «а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников». Только в Новгороде и Пскове вече приобрело четкую организацию, имело свою канцелярию, избирало посадников и т. п. Здесь боярство в лице боярского совета ограничило власть князей, и в этих целях использовало вече, превратив его лишь «формально» в основной политический орган. Бояре могли привести на вече городские элементы, экономически зависимые от них, «с тем, чтобы, опираясь на них, добиться благоприятных для себя решений». Только изредка городские низы «выходили из состояния пассивности» и боярство должно было идти на уступки<sup>11</sup>. Б. Д. Греков считал, что вече зародилось еще при родовом строе, но с возникновением государства оно исчезает с тем, чтобы вновь укрепиться в период феодальной раздробленности, начиная со второй половины XI в. В этот период вече связано с расцветом главных городов, с их купечеством и ремесленниками. Феодальная знать должна была считаться с ними. Дольше всего вече существовало на западе и северо-западе страны. Новгородское боярство, считаясь с вечем, вместе с тем сумело занять господствующее положение, из своей среды поставляло выборных властей и т. п.<sup>12</sup> Эти замечания развил далее М. Н. Тихомиров, решительно разошедшийся с мне-

<sup>7</sup> М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 3, СПб., 1910, стр. 145.

<sup>8</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 444.

<sup>9</sup> М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, гл. V.

<sup>10</sup> М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, М., 1932, стр. 37—39, 46, 57.

<sup>11</sup> С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939, стр. 193—211; Его же. История государства и права СССР, ч. I, изд. 2, М., 1947, стр. 156—159.

<sup>12</sup> Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 363—364.

нием С. В. Юшкова. В вечевых собраниях М. Н. Тихомиров видит проявление новой силы на исторической арене — массы ремесленного и торгового населения. Он отметил значительную организованность в народных собраниях. В вечевых собраниях участвовали все свободные люди, не только знать, но и «черные люди»<sup>13</sup>.

В коллективном труде «Очерки истории СССР» выражена та же оценка веча. В отношении Новгорода здесь говорится, что боярство «только использовало силу ремесленно-торгового населения» для борьбы против князей, но вместе с тем отмечено, что вечевая демократия не была пустой формальностью, а представляла большую политическую силу и отвоёвывала себе некоторые права. Однако, для Новгорода XIV—XV вв. признается, что, хотя «формально» носителем верховной власти являлось вече, но «хозяевами» были бояре<sup>14</sup>. В новгородском вече «в какой-то мере проявлялось участие демократических элементов в политической жизни города» — пишет также Л. В. Черепнин в своем исследовании о возникновении централизованного государства. В этой работе автор показал обострение классовой борьбы в Пскове и роль веча во второй половине XV в.<sup>15</sup>

О неизжитых еще разногласиях в оценке вечевых собраний свидетельствует книга Н. Н. Масленниковой о присоединении Пскова к Московскому государству. В ней власть веча многократно называется «фикцией». Автор считает, что в псковском вече было «полновластие», или самовластие бояр и купеческих старост. Однако и в этой работе признается, что «с потерей веча, хотя и являющегося фикцией народного правления, народ терял все же некоторую возможность как-то влиять на дела Пскова»<sup>16</sup>. Большое значение имеет книга В. Л. Янина «Новгородские посадники» (М., 1962), показавшего роль вечевых собраний в «концах» Новгорода.

Важнейшими источниками для изучения вечевых собраний в Пскове являются псковские летописи, законодательство (Псковская судная грамота) и актовый материал. Однако при привлечении летописей для изучения веча исследователь сталкивается с их особенностью: прямые упоминания веча отсутствуют в псковских летописях до 50-х годов XV в. Только в 1454 г. и в последующих известиях до падения самостоятельности Пскова в 1510 г. включительно речь идет о вече. До середины XV в. можно только предполагать, что летописец имел в виду вечевые собрания, когда говорил, что «весь Псков», «все псковичи» или просто «псковичи» приняли то или иное решение. Но от имени Пскова могли выступать и посадники и боярский совет. На эту особенность не обратил внимания исследователь псковского летописания А. Н. Насонов, отлично издавший псковские летописи.

Летописание в Пскове времени его самостоятельности носило официальный характер, велось при церкви Троицы вечевыми дьяками под руководством посадников и по своей политической направленности имело «боярско-вечевого» характер. После присоединения Пскова (1510 г.) к централизованному Русскому государству летописание продолжалось в других местах при церквях и монастырях. Дошедшие до нас летописи являются сводами с позднейшей переработкой. А. Н. Насонов выделяет свод, составленный в 1567 г. в Псковско-Печерском монастыре при участии игумена Корнилия, казненного в опричнину. Свод этот проникнут оппозиционным духом к событиям времени Ивана Грозного. В местах,

<sup>13</sup> М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1946, стр. 165—166.

<sup>14</sup> «Очерки истории СССР. Период феодализма XI—XII вв.», М., 1953, ч. I, стр. 351; ч. II, стр. 178.

<sup>15</sup> Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв., М., 1962, стр. 194, 830—850.

<sup>16</sup> Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к централизованному русскому государству, Л., 1955, стр. 95.

где помещены известия, относящиеся к периоду независимости Пскова, в этой летописи много пропусков, народные восстания упоминаются бегло. Этот свод является 3-ей псковской летописью, как называл его А. Н. Насонов. Другой свод, составленный в 1547 г. в Елизаровском монастыре под Псковом при участии игумена Филофея, назван 1-ой псковской летописью. Автор ее относится враждебно к московской администрации, управлявшей Псковом после 1510 г., но почитителен к великим московским князьям. В качестве 2-ой псковской летописи Насонов выделил свод, составленный в XV в., оканчивающийся событиями 1486 г.; составитель его в известной мере разделял настроения «черных людей». В основе этих трех летописей лежит общий протограф — свод, составленный в 50—60-х годах XV в. В этом своде использованы наряду с местными псковскими известиями также источники новгородские, смоленские, литовские, тверские. К этому своду делались приписки и дальнейшая его переработка привела к появлению нескольких сводов 60—80-х годов XX в. и начала XVI в.<sup>17</sup>

Вероятно, с середины XV в. и в последние десятилетия самостоятельности Пскова вече собиралось чаще, чем прежде. На этот период приходится обострение классовой борьбы в Пскове, ряд восстаний, начинавшихся на вечевых сходках, возрастала зависимость Псковской феодальной республики от Москвы, усилилась борьба Пскова против нападений со стороны Литвы, немецкого Ордена и шведов. Псковские летописи за этот период отличаются подробностью и живостью изложения и основаны на современных источниках. Важнейшее значение имела классовая направленность летописцев, выделявших на первый план посадников и бояр, заинтересованных однако в поддержке веча. В ряде случаев летописец осуждает действия на вече «черных людей».

Автор настоящей статьи свел вместе все летописные известия о вечевых собраниях в Пскове и связанных с ними событиях. Полученный перечень известий, насчитывающий более 60 упоминаний веча, позволяет судить, что именно летописец называет вечем. Конечно, в действительности, вече собиралось чаще, но прямые упоминания о нем позволяют с некоторой точностью судить о деятельности веча и его компетенции (перечень не приведен из-за недостатка места).

На вечевых собраниях чаще всего рассматривались отношения Пскова с псковским князем, его приглашение, вернее утверждение, сопровождавшееся присягой князя на выполнение псковских законов (пошлин). На вече князь объявлял о своем уходе, отказе, снимая с себя присягу. В течение этого периода (вторая половина XV в. и начало XVI в.) происходила частая смена псковских князей, становившихся наместниками московского великого князя. Отношения Пскова к Москве являлись уже отношениями вассала к своему сюзерену.

Приглашение и отъезд князя сопровождалось определением доходов его от суда и других сборов и выдачей «дара» в виде денежной суммы. В двух случаях даже кратковременное пребывание князя в Пскове отмечено в связи с выдачей «дара» на вече. В 1454 г. в Пскове 3 недели пробыл Иван Дм. Шемякин, при отъезде ему было выдано на вече 20 руб. В 1461 г. после трехнедельного пребывания в Пскове Юрия Васильевича (сына великого князя Василия Темного) ему было дано «на вече» 100 руб.<sup>18</sup> В других известиях говорится об официальном оформлении на вече приезда и отъезда князя. В 1477 г. новый псковский князь Василий целовал крест на вече на всех псковских пошлинах, то же сделали князья-наместники Ярослав в 1479 г. и Семен в 1489 г. Князь Яро-

<sup>17</sup> «Псковские летописи», в. I, М., 1941. Введение; А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. «Исторические записки», т. 18.

<sup>18</sup> «Псковские летописи», вып. I, М., 1941, стр. 52, сн. 32; вып. II, М., 1955, стр. 141: вып. I, стр. 60.

слав добился уплаты ему «наместничьей деньги», «ездов» в удвоенном размере, а судебных пошлин и других сборов вече дало ему 130 руб.<sup>19</sup>

Отъезд князя также предварялся официальным отказом на вече. Князь Александр Черторижский отказался признать себя наместником московского князя и в 1461 г. уехал с ратью в 300 чел. «попрощався на вече». Псковский князь Иван Александрович Звенигородский в 1466 г., несмотря на просьбы псковичей остаться, «ударил челом на вече за все добро псковское» и уехал из Пскова. Отъезд князя Юрия Федоровича в 1473 г. связан был с жалобами на его насилия, псковичи просили великого князя Ивана III дать им другого князя. Узнав об этом, кн. Федор Юрьевич «вшед на вече и с себе и крестное целование сложя, поеха из Пскова». Он отомстил тем, что у провожавших его посадников, соских и подвойских, достигнув псковского рубежа, отнял коней и ограбил их, отпустив едва ли «ненагих». В 1462 г. псковичи выгнали князя Владимира Андреевича, он был назначен наместником из Москвы без согласия Пскова («не зван») и был «на народ неблаг». На вече его спихнули «со степени» и он уехал жаловаться на безчестье великому князю. Летописец не одобряет насилия, допущенного на вече, указав, что это сделали «иные люди» или «злые люди», «невегласы»<sup>20</sup>. В 1477 г. князь Ярослав перед отъездом сложил с себя крестное целование «Пскову на вече» и уехал в Москву. Этому предшествовало восстание в Пскове и отказ князю на вече<sup>21</sup>. Восстание вылилось в сражение между псковичами и княжеской дружиной (1476 г.).

В какой мере в Пскове считалось необходимым утверждение князя на вече, можно видеть из летописного известия о том, как великий князь отозвал князя Петра Васильевича и заменил его без согласия псковичей князем И. М. Репня-Оболенским. Псковичи называли его поэтому Найденом. Вместо встречи его «со кресты», священники посадили его на княжение у церкви св. Троицы без крестного целования на вече. Это был последний псковский князь<sup>22</sup>.

С утверждения веча, по-видимому, производились денежные расходы из псковской государственной казны. Они составляли «дар» или «поминки» великому князю, псковским князьям, воеводам, архиепископу, а также плату мастерам за строительные работы, устройство стен, башен, мостов. Размеры этих расходов были различны, денежные суммы в виде «дара» соотносились с значением лица, которому они предназначались. Послу великого князя боярину Чоботову было уплачено в 1499 г. 10 руб. сверх хлеба, меда и т. п., воеводе великого князя Федору Юрьевичу было дано 30 руб., его боярину 50 руб. Псковский князь Ярослав, отправлявшийся в Новгород, получил «на путь» 20 руб. Он был недоволен своими доходами и при нажиме со стороны московского великого князя получил на вече 130 руб. Иван Дм. Шемякин, задержавшийся в Пскове, при отъезде в Литву получил только 20 руб. Великому князю Ивану III при «взятии» Твери псковские посадники отвезли «поминки» 150 руб.<sup>23</sup>.

Строительные работы обсуждались на вече в связи с платой мастерам. За сооружение моста в 1458 г. мастера получили 60 руб., а по их просьбе вече постановило доплатить им еще 20 руб. По просьбе слобожан Кокшинской волости вече особой грамотой назначило им в 1476 г. место для основания крепости<sup>24</sup>. Строительство церквей и обеспечение их доходами и землями, возможно, также требовало утверждения веча. Однако об этом можно судить лишь на основании одного рассказа

<sup>19</sup> Там же, вып. II, стр. 202.

<sup>20</sup> Там же, вып. I, стр. 58, стр. 62 (сноска); вып. II, стр. 150, 187, 192.

<sup>21</sup> Там же, вып. II, стр. 205, 208.

<sup>22</sup> Там же, вып. I, стр. 92; вып. II, стр. 254.

<sup>23</sup> Там же, вып. I, стр. 52, сноска 32, стр. 60, 68, 70, 76, 80, 83—84; вып. II, стр. 67, 141, 144, 156, 201, 202, 219.

<sup>24</sup> Там же, вып. I, стр. 54; вып. II, стр. 203.

о бурных и не вполне ясных событиях 1471 г. В этом году строились две церкви, одна вместо сгоревшей, другая новая. Для обеспечения новой церкви материальными средствами стали «подниматися пенязи» на вече, т. е. речь идет о денежных доходах церкви. Кроме того на вече было решено передать церкви землю и воду из владений церкви св. Троицы, именно из вклада боярина Матуты. Это было сделано по требованию «препростой чади», под которой можно понимать народную массу<sup>25</sup>.

О вечевом суде можно получить представление по некоторым известиям исключительного характера. За кражу 400 руб. из псковской казны, совершенную пономарем церкви Троицы Иваном, он был сечен на вече, заключен в тюрьму и затем сожжен. В 1458 г. псковичи исправили произведенные посадниками изменения в хлебных мерах и в весах «старых посадников» за злоупотребления «избив на вечи». Псковский боярский совет втайне от вече изменил повинности смердов, была составлена новая грамота и положена в государственный архив («ларь»). В связи с этим, в 1484 г. был убит посадник Гаврил «всем Псковом на вечи», кроме того был вынесен смертный приговор трем посадникам, бежавшим в Москву. События, носившие характер восстания «черных людей», показывают, что массы признавали за вечем право суда и законодательства<sup>26</sup>.

Убийство на вече посадника Гаврила, вследствие составления князем и посадниками без санкции вече грамоты о смердах, в первой псковской летописи датируется 13 июля 1483 г. Но восстание началось еще годом раньше. В той же первой псковской летописи рассказано, что 6 мая 1483 г. «посекоша псковичи дворы» шести посадников и многих других людей. О вече здесь не говорится, но можно полагать, что события эти начались именно там. Далее речь идет о посольстве в Москву посадников и бояр, причем псковичи послали их «силою», т. е. против их воли. Возвратившись в Псков, они доложили «ответ на вечи», великий князь требовал отмены смертного приговора виновным посадникам, отпуска арестованных смердов и возврата конфискованного имущества. По-видимому, с этим же делом связана поездка псковского князя, посадников и бояр к великому князю, о чем говорится в связи с «взятием» Твери в 1486 г., т. е. присоединением ее к централизованному Русскому государству. Посольство отвезло в Тверь «поминки» великому князю — 150 руб. и просило держать Псков по старине. По возвращении в Псков они послали «посольство на вечи» и виновные в составлении грамоты о смердах три посадника вернулись из Москвы.

Иначе, более подробно, хотя и неполно обрисовано это восстание во второй псковской летописи. Летописец не скрывает роли народных масс и захвата ими власти на вече. Когда первое посольство вернулось из Москвы и доложило на вече требование великого князя освободить арестованных смердов и отменить приговор посадникам, то «черные люди» не поверили этому. Было отправлено другое посольство из четырех посадников и 10 бояр. Они получили тот же ответ от великого князя и снова доложили о нем на вече, но «черные люди» обвинили их, что они действуют в согласии с бежавшими посадниками, «норовят им». В Пскове начались «брань и мятеж велик». За выполнение всех требований Ивана III стояли посадники, бояре и житьи люди, а «черные люди молодые» считали себя правыми и они «в перечину» посадникам отправили новых гонцов с грамотой к великому князю. Но эти послы в пути были убиты в Тверской земле. Тогда в Москву были опять посланы четыре посадника и бояре, но великий князь отвечал им «с великой опалой», настаивая на выполнении прежних требований. После этого «псковичи, слышавше посольство их... вскоре отпустиша смердов» и отменили приговор посадникам. Из Пскова было отправлено 5 посольств и истра-

<sup>25</sup> Там же, вып. II, стр. 176—177.

<sup>26</sup> Там же, вып. I, стр. 79—80; вып. II, стр. 143—144, стр. 65, 66, 67, 68, 69.

чено до 1000 руб. Но затем было выяснено, что прежняя грамота находится у «норовских смердов», псковичи посадили в крепость смерда, вырвавшего грамоту из рук попа и снова скрывшего ее. К этому прибавились жалобы на обиды со стороны псковского князя Ярослава. Тогда «посадник же и весь Псков» послали в Москву посадников и бояр, а также по два человека из пригородов и потерпевших от обид. Иван III не принял их жалоб и обещал прислать своих бояр для разбора дел. Об этом псковские послы объявили «на вечи» 8 июля 1486 г. Таким образом во второй псковской летописи три раза говорится о вече в связи с делом о смердах, но не исключена возможность, что на деле подобных вечевых собраний было больше<sup>27</sup>.

Восстание это показывает, что вече признавало за собою законодательные функции и оспаривало право боярского совета законодательствовать. Об этом же свидетельствует Псковская судная грамота, принятая на вече (см. ниже). На деле законодательствовало не только вече, но и боярский совет, и, по-видимому, не всегда вече оспаривало это его право, тем более, что трудно отделить законодательство от текущего управления. В летописи упомянута льняная грамота, содержание которой нам неизвестно, она причинила многие «истомы и убытки»<sup>28</sup>. Л. В. Черепнин предполагает, что в ней говорилось об условиях торговли льном, о пошлинах и т. п.<sup>29</sup> В 1471 г. на восьмом году после ее принятия она была отменена; это сделали посадник (или, по другому списку летописи, во множественном числе посадники), а также «бояре псковские и соцкие и судьи»: они, вынудив ее из «ларя» (архив), подрали ее. Это было, по-видимому, делом боярского совета.

Значительное место в деятельности веча занимали вопросы церковного управления. Группа церквей составляла собор с общим числом духовенства около 100 чел. Соборы утверждались на вече, так, в 1462 г. на вече был утвержден пятый собор. По предложению духовенства в 1466 г. на вече была принята грамота о новом порядке управления церковью. Во главе псковского духовенства всех соборов были поставлены два священника с подчинением их новгородскому архиепископу. Но это новшество было отменено московским митрополитом. Неудачной попыткой подчинить церковь светской власти явилось и распространение на духовенство военной службы в 1495 г. Два попа даже «в одних рубахах стояли на вече и иных всех попов и дьяконов изсороматиша»; при этом псковичи много раз «на сени и в вечьи и опять у вечьи влезли и хотели попов кнутом избесчестовати»<sup>30</sup>. Положение церкви в Пскове подробно освещено в литературе, особенно в книге Л. В. Черепнина об образовании централизованного государства<sup>31</sup>.

Летопись говорит о вечевых собраниях также в связи с войнами и дипломатическими переговорами. Вече назначало воевод и проводило мобилизацию. В 1463 г. воеводами были назначены три посадника, позднее воеводство было дано посаднику Дорофею. Ему поручено было воем выступить против немцев с «охочими людьми» на лодках. Для участия в походе московского войска против Новгорода в 1471 г. псковичи на вече стали «обрубати доспехы и с коими» посадников и «бояр великих», т. е. проведена была мобилизация с оружием и конями. Немцы напали в 1480 г. на псковский пограничный городок, об этом в Пскове узнали ночью и тотчас посадники дважды звонили к вечу. Ночью же и на следующий день посадники и мужи псковичи, «скрутившись с четырёх сох по человеку и коню», выступили против немцев<sup>32</sup>. Следует иметь

<sup>27</sup> Там же, вып. II, стр. 65—69.

<sup>28</sup> Там же, вып. II, стр. 186.

<sup>29</sup> Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 852.

<sup>30</sup> «Псковские летописи», вып. I, стр. 81; вып. II, стр. 165.

<sup>31</sup> Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 845 и след.

<sup>32</sup> «Псковские летописи», вып. I, стр. 64, 66, 76; вып. II, стр. 152, 154, 180, 219.

в виду, что основной военной силой в Пскове была «кованая рать» псковского князя.

Псковские военные силы участвовали в походе Ивана III против Новгорода, закончившемся в 1478 г. потерей новгородской самостоятельности. Посол великого князя на вече в Пскове объявил его требование послать войско против новгородцев<sup>33</sup>. По окончании войны с Новгородом Иван III с возвращавшейся домой псковской силой направил в Псков своих послов с поклоном за службу и с наградой в виде позолоченного кубка. Однако псковичи жаловались великому князю на его послов, что они грабили и отнимали коней, требовали поминков «не по псковской силе», причиняли им «убытки и истомы». Псковские послы говорили в Москве, что послы не принимают от Пскова «на вече поминки и с вече бегают»<sup>34</sup>.

Для дипломатических переговоров Псков отправлял своих послов к немцам в Ригу и в Юрьев, в Литву — в Вильно, в Новгород и в Москву и принимал их послов у себя. О результате переговоров докладывалось на вече, и послы целовали крест на вече в верности договору. В 1466 г. был заключен договор Пскова с Новгородом, псковские посадники на вече целовали крест перед новгородскими послами «держат мир по старине», и на том, чтобы новгородскому архиепископу по-прежнему раз в год приезжать в Псков<sup>35</sup>. В 1464 г. псковские послы ездили в Юрьев, а немцы в Псков, заключили мирный договор на 9 лет, и посадники на вече целовали крест. Псковские послы были в Вильно и по возвращении докладывали на вече о переговорах с королем относительно пограничных споров. В 1474 г. был снова заключен мир с немцами, и посадники на вече целовали крест. В 1501 г. немцы схватили псковских купцов и в Юрьев было отправлено три посольства, о результатах докладывали на вече<sup>36</sup>.

Весьма интересны известия о вече, связанные с ликвидацией самостоятельности Пскова в 1510 г., их мы рассмотрим ниже в заключении настоящей статьи. Теперь же остановимся на некоторых дополнительных вопросах. Так, наряду с посадниками выступают часто, особенно в посольствах бояре «от концов», по одному, два, три боярина от каждого конца, на которые делился Псков. Это побуждает историков признать наличие отдельных вечевых сходок в каждом из этих концов. В летописи отсутствует какое-либо прямое указание на кончанское вече, но можно допустить его существование по аналогии с Новгородом. Следует обратить внимание на отсутствие в псковских летописях каких-либо данных о выборах посадников или их смене на вече. Еще В. О. Ключевский в «Боярской думе» отметил, что во время событий 1483 г., связанных с грамотой о смердах, когда на псковском вече был убит посадник Гаврил и в посольства в Москву отправляются посадники, выборы новых посадников не производятся. Можно высказать предположение, что степенные посадники избирались не вечем, а боярским советом, или в «концах» из немногих семейств псковской знати<sup>37</sup>.

В летописи участники веча часто называются «мужами». Так же мужами называет летописец ремесленников, мастеров. Под 1424 г. в первой псковской летописи рассказывается о строительстве стен в Пскове, их строили «двести муж» в течение 3½ лет; за эту работу им было уплачено 1000 руб., а те, кто «плиту жгли», получили 200 руб. В 1431 г. князь и посадники заложили города Выбор и Гдов и наняли «мастеров 300 муж», они построили наполовину каменные, наполовину

<sup>33</sup> Там же, вып. II, стр. 211, 212.

<sup>34</sup> Там же, вып. II, стр. 211, 212, 216.

<sup>35</sup> Там же, вып. I, стр. 72; вып. II, стр. 161.

<sup>36</sup> Там же, вып. I, стр. 68, 69, 70, 85; вып. II, стр. 156, 179, 197—198, 85.

<sup>37</sup> Б. Б. Кафенгауз. Посадники и боярский совет в древнем Пскове. «Исторические записки», т. 33.

деревянные стены. В 1454 г. возник конфликт в связи с оплатой мастеров, строивших стены и мост, они просили на вече дополнительной оплаты, и вече постановило сверх платы 60 руб. прибавить им еще 20 руб.<sup>38</sup>

Таким образом мастера, каменщики и плотники названы «мужами» и являлись участниками вече. В Псковской судной грамоте говорится о мастере плотнике-наймите, который возбуждает иск о плате за работу. Мастера имели учеников, которые должны были платить «учебное». При этом мастер назван «государем» в отношении ученика<sup>39</sup>. Очевидно, ремесленники являлись основным населением Пскова, «мужами». В псковской летописи в известии о построении церкви св. Кирилла в 1373 г. мастер назван по имени, как лицо хорошо известное: «мастер Кирилла постави церковь в свое имя святыи Кирил»<sup>40</sup>. В 1462 г. строили церковь Архангела Михаила «мастера псковские и с волощаны» (крестьяне), указано, что псковичей было 60 человек. Они получили «мзду от всего Пскова 60 рублей», к которым было доплачено 30 руб.<sup>41</sup>

Следует иметь в виду различия между сообщениями трех псковских летописей, а также особенности отдельных списков. Нередко об одном и том же событии рассказывается по-разному: в одной из трех псковских летописей говорится о вече, в другой же в рассказе о том же событии о вече умалчивается совсем, при этом и фраза построена иначе, или вместо вече стоит «весь Псков» и т. п. При изложении известия об отъезде из Пскова князя Александра Черторижского, не пожелавшего быть наместником великого князя, в первой псковской летописи под 1460 г. рассказано, как он произнес целую речь, и затем «попрашався на вечи: яз де вам не князь». Во второй об этом говорится иначе, без указания на вече: «И князь Александр не восхоте целовати и убоявся князя великого и побеже в Литву». В третьей летописи сказано: «не восхоте целовати... и поеха из Пскова, а псковичи ему много биша челом»<sup>42</sup>.

Молчание летописца о вече в одних известиях, как и упоминание вече в других, имело, по-видимому, политический характер. На первом плане показана деятельность посадников, они перечислены по именам и отчеству. В известиях до середины XV в. во всех трех псковских летописях отсутствуют указания на вече, здесь рядом с посадниками стоят «псковичи», мужи псковичи и т. п., в различном значении, как население, или войско, но также нередко в качестве коллектива, принимающего решения или выполняющего их. Здесь, может быть, имелось в виду вече или псковский боярский совет, выступавший от лица республики. В известиях, относящихся ко второй половине XV в. и началу XVI в., напротив, рядом с посадниками и боярами часто стоит вече. Посадники в качестве послов, возвращаясь в Псков, докладывают на вече и т. п. В этой части трех псковских летописей ярко отразилась классовая борьба, противоречия между боярством во главе с посадниками — с одной стороны, и народной массой — с другой, выявившиеся на вече. В этой части сказались также противоречия между Псковской феодальной республикой и псковским князем, ставленником московского великого князя.

Классовая борьба отразилась также в памятнике вечевого законодательства, в Псковской судной грамоте, принятой на вече в 60-х годах XV в., может быть, по мнению Л. В. Черепнина, в 1462 г. или в 1467 г.

В заглавии Псковской судной грамоты сказано, что она «выписана» из грамот князей Александра и Константина и приписок к ним по благословению духовенства «всем Псковом на вечи». Отсутствует здесь указание на участие в составлении ее посадников, что едва ли случайно.

<sup>38</sup> «Псковские летописи», вып. I, стр. 35, 39, 54; вып. II, стр. 39, 43, 125.

<sup>39</sup> «Псковская судная грамота», ст. 39, 40, 41, 102.

<sup>40</sup> «Псковские летописи», вып. I, стр. 23; вып. II, стр. 28, 105.

<sup>41</sup> Там же, вып. I, стр. 150.

<sup>42</sup> Там же, вып. I, стр. 58; вып. II, стр. 51, 146.

Заглавие явно дефектно, переправлено, вероятно, выпущено второе сказуемое. На это указывает необычное выражение: «Ся грамота выписана... всем Псковом на вечи». Дефектность начала Псковской судной грамоты становится ясной из сопоставления с Новгородской судной грамотой, где перечислены великий князь Иван III, духовенство, посадники, тысяцкий, все разряды новгородского населения и упомянуто вече, грамота «доложена» великому князю и утверждена посадниками и т. д. «на вечи на Ярославле дворе» («доложа... и покончаша»). Следует отметить, что в заглавии Псковской судной грамоты говорится об утверждении ее «всем Псковом на вечи», а не только «всем Псковом», так же сказано в летописи под 1483 г. об убийстве посадника «всем Псковом на вечи»<sup>43</sup>. Не означает ли это, что недостаточно было сказать «всем Псковом», что не всегда выражение «весь Псков» можно понимать как вече?

Законодательная функция псковского веча в противовес посадникам выражена также в 108 ст. Псковской судной грамоты, в которой за посадниками признается только право, так сказать, законодательной инициативы: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тоя строка напisać. А которая строка в сей грамоте не люба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот». Эта статья заставляет вспомнить восстание в Пскове 1483 г., когда вече отменило грамоту о повинностях смердов, составленную князем и посадниками втайне от веча. В ст. 24-й запрещается обвинять истца лишь в силу того, что он не может представить «послуха» и добавлено: «а то госпode от Пскова без дива». Под господой здесь понимается высшая судебная коллегия из князя и посадников, под Псковом — вече, изменившее прежний порядок судопроизводства.

В двух статьях Псковской судной грамоты (3 и 4) говорится о вече в связи с уточнением судебных функций посадника и князя. В ст. 3-ей требуется от посадника присяга в том, что он будет «судить право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстыватися, а судом не мститя не на кого же, а судом не обчитися, а правого не погубити, и виноватого не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду, на вечи». Упоминание веча здесь можно связывать как с судебными функциями веча и посадника, так и с другими видами его деятельности. Посаднику запрещается присваивать денежные средства города, т. е. псковской казны, мстить кому-либо, или решать дела по дружбе («обчитися»), осудить кого-либо без следствия (без «исправы»). В следующей 4-ой статье посаднику и князю предписывается судить не на вече, а «на сенех» у князя, не брать «посулов» (взяток), судить по закону («взирая в Правду»). О суде князя и посадника, происходившем «на сенех», а не на вече, говорится в дошедшем до нас спорном деле 1483 г. Снетогорского монастыря о владении на реке Перерве и размежевании с крестьянами и другим монастырем<sup>44</sup>.

В псковской летописи сообщается решение веча в 1471 г. о передаче земли для вновь построенной церкви из владений церкви св. Троицы. Это решение являлось результатом участия в вече «препостой чади» (см. выше). К 1308—1312 г. относится вечевая жалованная грамота Якову Голутвиничу с братом и детьми на землю и рыбные ловли, селитва Пустухо, пожни и сенные покосы, с правом заселять их («селитва ставити»). Пожалование дается за заслуги «за пот и кровь». При этом сказано: «То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече». Свидетелями у грамоты значатся посадник Борис и два бирича<sup>45</sup>.

Любопытна «ободная» вечевая грамота 1491 г., выданная слобожанам Изборской волости, уплатившим «серебро». «А посылал госпо-

<sup>43</sup> Там же, вып. I, стр. 79—80; вып. II, стр. 65, 66, 68, 69.

<sup>44</sup> «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949, стр. 326.

<sup>45</sup> Там же, стр. 318.

дин князь псковский Семен Романович и все посадники псковские и весь господин Псков с вечи той слободе святей живоначальной Троицы переписать боярина псковского Лаврентия Нестеровича, а соцкому Фому старого придверника. А дали господину Пскова те слобожан серебро в одерень да и грамоту тем слобожанам дахом дерноватую всем Псковом на вече в лето 6999 (1491)». Грамота была положена в «ларь» (архив)<sup>46</sup>. О придверниках (подверниках) говорится в Псковской судной грамоте в ст. 58 и 59 как об участниках суда: «а тым подверником быть от князя человеку, а от Пскова человеку же» (ст. 59). О княжеской и псковской печатях речь идет в ст. 82, где имеется в виду «княжий писец»: если он потребует плату «не по силе», то можно «у святей Троицы запечатать», т. е. в вечевой канцелярии.

Летописные известия о роли веча в войнах и дипломатии можно дополнить текстом грамоты Пскова польскому королю Казимиру 1480 г. Грамота начинается следующими словами: «Се урядиша господине князь псковский Василий Васильевич и вси посадники псковские и весь господине Псков на вечи послом ехати...» и далее названы два посла — посадник Василий Логинович и боярин Юрий Иванович. Здесь указано, кем уполномочены послы: князь, все посадники и вече — три политические силы псковской республики.

Вслед затем после каждой жалобы в той же грамоте в развернутом виде сказано, кого представляют послы и притом без упоминания веча: «а отчина великих князей тебе, своему господину (т. е. королю), посадники псковские и степенники (так!) и старые посадники и сынове посадничы, и бояре и соцкие и купцы и житии люди, и весь Псков челом бьет». Ниже житиих людей разряды псковичей не названы, они покрываются формулой «и весь Псков»<sup>47</sup>. В других грамотах, в договорах с немцами и т. п. на русском и немецком языках приводится то же выражение «и весь Псков» (und alle Pleskowe) в смысле всего населения и всего государства Пскова<sup>48</sup>.

Указанный здесь материал позволяет выяснить круг дел, решавшихся на псковском вече. В компетенцию вече входило приглашение князя, он должен был присягать на вече в верности псковским законам, на вече князь официально заявлял о своем отъезде; вече решало вопросы войны и мира, выбирало воевод, отправляло послов в Москву и Новгород, за границу — в Ригу, Юрьев и Вильно, о результатах переговоров докладывалось на вече. Вече законодательствовало, судило по важнейшим делам, распоряжалось финансами Пскова, утверждало расходы по строительству крепостей, «дары» князю, поминки послам, решало вопросы о земельных пожалованиях, рассматривало вопросы церковного управления. Господствующий класс, феодальная знать опиралась на боярский совет и степенных посадников, сопких, судей и т. п. Они осуществляли текущее управление, делали доклады на вече, и, вместе с тем, должны были учитывать на вече возможность недовольства со стороны народных масс.

События 1510 г. явились концом псковского вечевого строя и завершением процесса подчинения Пскова московскому великому князю. Псков задолго до этих событий признавал себя «отчиной» великого князя. В псковских летописях имеется «Повесть о Псковском взятии», кроме того в приложении к книге Н. Н. Масленниковой о присоединении Пскова к централизованному русскому государству напечатана другая более подробная, московского происхождения, «Повесть о Псковском взятии». В этой повести отразилась точка зрения сторонников при-

<sup>46</sup> «Сб. псковской ученой архивной комиссии», в. I, Псков, 1917, стр. 45—46. Грамота эта вошла в работу Л. М. Маросиновой «Новые псковские грамоты XIV—XV вв.», М., 1966. См. также В. Л. Янин. Вислые печати Пскова. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 228, прим. и др.

<sup>47</sup> «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 325.

<sup>48</sup> Там же, стр. 318—337.

соединения Пскова, приведены документы московские и псковские. Автор ее был москвич. Она показывает стремление великого князя опереться на «молодых людей». Между тем летописная повесть написана псковичем, освещающим события с враждебной, антимосковской позиции<sup>49</sup>.

В книге Н. Масленниковой остались не отмеченными некоторые особенности обеих повестей. В летописной повести указаны четыре вечевых собрания, происходившие в Пскове в связи с присоединением его к Москве, о которых московская повесть умалчивает совершенно. Имеются некоторые различия и в содержании псковской повести, вошедшей в 1-ю и 3-ю псковские летописи. Только в повести, содержащейся в 3-ей псковской летописи, точно указано, что события начались с поездки к великому князю 70 посадников и бояр с жалобой на псковского князя — наместника<sup>50</sup>. Нас интересует преимущественно роль вечевых народных собраний в ходе этих событий. О вечевых собраниях говорится лишь в летописной повести (в 1-й и 3-й псковских летописях). Великий князь Василий III приехал в Новгород 26 октября 1509 г. (по московской повести — 28 ноября). Из Пскова к нему приехали посадники и бояре с «даром» 150 руб. Они жаловались на обиды от псковского князя Ивана Михайловича Репни. Великий князь ответил, что если жалобы эти подтвердятся, то он его «обвинит» и вместе с тем обещал «жаловати и боронити» Псков. По возвращении посадники, согласно псковской летописи, сообщили на вече об ответе великого князя. После того псковский князь Репня поехал в Новгород жаловаться на «бесчестье» от псковичей. Туда же отправились два посадника — Юрий и Леонтий и «тягались» в обидах и жалобах друг на друга. Посадник Юрий прислал в Псков грамоту, чтобы посадники прибыли в Новгород «говорити противу князя Ивана Репни». Из Пскова отправились 9 посадников, старосты купеческие и «жалобные люди». На праздник Крещения 6 января псковские посадники, бояре и купеческие старосты были арестованы в палате «на владычнем дворе», а «молодые люди» переписаны и отданы по улицам новгородцам «до управы». В Пскове, узнав об этом, псковичи «вечь поставя», отказались от сопротивления, послали к великому князю сотского Евстафия, чтобы великий князь «жаловал свою отчину старинную». Василий III послал в Псков дьяка Третьяка Долматова. На псковском вече он объявил «две воли» великого князя: чтобы «вечья не было» и чтобы управляли Псковом два наместника вместо посадников. Великокняжеский посол, сказав об этом, «отговорив, да сел на степени». Псковичи отложили ответ до следующего дня. На утро позвонили в вече и «вшел Третьяк в вечье». Посадники и псковичи изъявили свою покорность, в знак чего вечевой колокол был спущен и отведен в Новгород<sup>51</sup>.

Василий III во главе войска прибыл в Псков. 300 боярских семей, включая арестованных прежде посадников, были высланы к Москве. «Молодым» людям было объявлено, что до них «государю дела нет». Московское правительство прежде всего расправилось с правящей верхушкой, вызвав в Новгород посадников и бояр. Последние вечевые собрания, по-видимому, по своему составу были более демократичными, чем прежде. В продолжении Софийской первой летописи сказано, что после вызова в Новгород «лучших людей», в Пскове остались «толко игумены и священники и черные люди земския и жены и девицы»<sup>52</sup>.

Псковский летописец видит причину прекращения самостоятельности Пскова в самом вече: «у вечьи кричание, а не ведуще глава, что язык глаголет, не умеюще своему дому строити, а градом наряжати»<sup>53</sup>. Но

<sup>49</sup> Н. Н. Масленникова а. Указ. соч.

<sup>50</sup> «Псковские летописи», вып. II, стр. 253.

<sup>51</sup> Там же, вып. I, стр. 92—94; вып. II, стр. 254—256, 294, 301.

<sup>52</sup> Н. Н. Масленникова а. Указ. соч., стр. 110.

<sup>53</sup> «Псковские летописи», вып. I, стр. 96; вып. II, стр. 257.

едва ли этот упрек следует отнести к распрям посадников и бояр с князем, как это делает Н. Н. Масленникова. Речь идет скорее о проявлениях классовой борьбы, о столкновении интересов «лучших» и «черных людей». Добиться на вече отказа дать отпор требованиям великого князя помогло псковское духовенство. Об этом говорится в Степенной книге (московском памятнике XVI в.); «весь священнический чин» в Пскове не допустил «прекословить извечному государю»<sup>54</sup>.

В московской повести отсутствуют указания на вечевые собрания в Пскове, но приводятся полностью грамоты и речи бояр, посадников и великого князя. В ней отчетливо отразилось обострение классового антагонизма в Пскове. Речь шла об уничтожении вечевого строя. Московское правительство сперва обессилило посадников и бояр, в сущности уничтожило псковский боярский совет, а затем — вече.

Повесть эта начинается с указания на то, что «посадники псковские и бояря молодых людей пскович учили обидити и насильства им чинить». Приезд в Псков по поручению великого князя окольничего князя Петра Васильевича Великого и дьяка сперва имел целью примирить псковичей с их князем Репней и был неудачен, псковские посадники настаивали на смене Репни другим наместником. И «тогда во Пскове быша мятежи и обиды и насилie велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр...». Несколько иначе, чем в псковской повести, изложены в московской повести последствия ареста псковских посадников и бояр в Новгороде. Им было предъявлено еще в Новгороде требование великого князя снять вечевой колокол, «вперед вечю не быти» и быть в Пскове и его пригородах наместникам. Им грозили при несогласии пролитием «крови христианской». Посадники и все псковичи, находившиеся в Новгороде, «за Псков» (от имени Пскова) просили снять опалу и обещали быть «во всей воли государской». Они целовали крест «на записи» перед московскими боярами. По требованию великого князя они написали грамоту, которую должен был отвезти в Псков псковский купец Манусин вместе с московским дьяком Третьяком Долматовым. В грамоте они писали, что согласились на требования великого князя, дали «крепкое слово» за себя и за всех посадников, оставшихся в Пскове, и «за всю Псковскую землю». Важно отметить, что псковская знать отвечала за «весь Псков», рассматривалась как представитель всей «земли». Московская повесть молчит о том, что происходило в Пскове, а из псковской повести мы знаем, что в течение двух дней вече обсудило «две воли» великого князя и что в знак согласия был снят вечевой колокол. По московской повести после этого к великому князю в Новгород вернулся дьяк Третьяк и с ним приехали посадник Кузьма Сысоев и псковские бояре. Василий III вслед затем двинулся в Псков с войском.

Итак, в Псковской боярской республике политическое господство псковских феодалов обеспечивалось боярским советом и посадниками. На вечевых собраниях вместе с феодалами участвовали и «средние», «молодые», «мелкие люди», «препростая чадь». Большой круг вопросов, обсуждавшихся на вече, гласность, облегчали для широкой массы возможность контроля и открытых выступлений и восстаний. Они нередко начинались на вече с отдельных конфликтов, с требования мастеров повысить плату за строительство стен, с обсуждения земельных пожалований церквам и т. п. Памятником вечевого законодательства является Псковская судная грамота, принятая на вече. Мощное восстание в Пскове в 80-х годах XV в. было вызвано нарушением прав веча со стороны посадников и князя, втайне от веча составивших грамоту о повинностях смердов. Вместе с ликвидацией веча политическая роль народных масс должна была неминуемо уменьшиться.

<sup>54</sup> Н. Н. Масленникова. Указ. соч., стр. 106